

СВЯТИТЕЛЬ ТРЕХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

к 200-летию со дня рождения
святителя Иннокентия (Вениаминова)

Есть святые, чьи имена стали родными русскому сердцу: благоверный князь Владимир, преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский, Александр Невский и Димитрий Донской — в душе русской они остались на века. Имя святителя Иннокентия пока не так широко известно всероссийской пастве, а ведь он заслуженно стоит в ряду величайших русских святых — и по степени своего духовного совершенства, и по заслугам перед Церковью и Отечеством. Выдающийся миссионер и проповедник, талантливый администратор, человеколюбивый архипастырь, воистину равноапостольный сын горячо любимой им России — таким вспоминают его современники.

Знакомясь с материалами, касающимися жизни святителя, поражаешься «широкомасштабности» его служения. В 1854 году в Иркутске святитель Иннокентий (тогда — архиепископ Камчатский и Алеутский) встретился с двумя преосвященными: архиепископом Нилом, из Иркутска назначенным на Ярославскую кафедру, и архиепископом Афанасием, прибывшим в Иркутск на его место. За обедом у городского головы владыка Нил остроумно заметил: «Вот, мы трое сидим рука об руку, а представляем собою три части света: я — Европу, преосвященный Афанасий — Азию, а преосвященный Иннокентий — Америку». Спустя двенадцать лет это можно было сказать об одном святителе Инно-

кентии: потому что в течение многотрудной жизни ему пришлось подвизаться во всех этих частях света. Родился святитель в Сибири (26 августа 1797 года), в Иркутске провел первые годы своего священнического служения (1817–1823), затем проповедовал Православие в Русской Америке (1824–1838), около 30 лет жизни отдал распространению и укреплению христианства на Дальнем Востоке (1840–1868), наконец, в возрасте 71 года он был назначен на Московскую кафедру и в течение одиннадцати лет занимал ее, пользуясь заслуженным уважением своей паствы. Таким образом, и Центральная Россия, и Сибирь, и Дальний Восток справедливо почитают его своим покровителем.

Но, без сомнения, основной подвиг Святителя — его беспримерное миссионерское служение, которому он посвятил около 45 лет своей жизни, а, точнее, всю свою жизнь, потому что, даже будучи Московским митрополитом, он не оставлял заботы о распространении Православия: в 1870 учредил Православное Миссионерское Общество, целью которого было «обращение в Православную веру и утверждение в ней нехристиан, обитающих в пределах нашего Отечества, развитие существующих и устройство новых миссий, учреждение при миссиях школ, больниц, общин и других полезных для новообращенных учреждений». Нельзя не упомянуть и о его особой заслуге — о переводе Евангелия от

Матфея, Катехизиса, основных молитв на алеутский язык (1828) и Божественной Литургии — на якутский (1859). Этим переводом он дал возможность коренным народам Дальнего Востока “петь Богу разумно” — совершать богослужение на их родном языке. “Вот почему о. Вениаминов стоял неизмеримо выше всех прочих миссионеров, подвизавшихся в Сибири, распространяя семена веры и цивилизации именно знанием природного, туземного языка просвещаемых дикарей, глубоким ознакомлением с их бытом, обычаями, нравами и преданиями — одним словом, той беспредельной любовью и ревностью к своему назначению и призванию, которые составляют душу миссионерства”.¹

Был ли святитель Иннокентий ревностным патриотом? — Несомненно. На краю света он не только насаждал веру Православную, но и утверждал государственность российскую. Для Дальнего Востока он является своего рода митрополитом Петром, ибо его деятельное участие в государственных делах было направлено на изучение и освоение приамурских земель. В письме к обер-прокурору Святейшего Синода А.П.Толстому святитель пишет: “Да будет позволительно сказать, что со временем, когда население Амура увеличится (а это будет непременно и не в долгом времени), то на нем должно быть не менее двух (архиерейских) кафедр...”² В 1854 году, по благословению святителя, его родной сын, священник Гавриил Вениаминов, участвовал в экспедиции, целью которой было исследование Приамурья и уточнение границ между Россией и Китаем. (Позже, в 1858 году, о.Гавриил был награжден орденом святого Владимира IV степени “за содействие своими трудами и усердием в возвращении России Амурских владений”). В 1856 году появляется сочинение владыки Иннокентия “Нечто об Амуре”, в котором он убеждает изучать Амурский край, заселять его русскими. В своей работе он делает вывод: “Занятие Амура... отнюдь не лишне и не безрассудно; напротив того, это надо сделать как можно скорее, дабы кто-нибудь из европейцев не предупредил нас”.³ После подписания соглашения между Россией и Китаем (так называемого Айгунского договора 1858 года),⁴ согласно которому к Российской империи отошли территории нынешних Амурской области, Хабаровского и Приморского краев, святитель самым деятельным образом участвует в освоении этих важных для русского государства территорий. Вот как писал об этом контр-адмирал В.С. Завойко: “Кто подал первую мысль осмотреть Амур и ходатайствовать о заселении? И как я не историю пишу, а биографию, и мое дело

занести в биографию Иннокентия только факты его деяний, уже признанных, то, прочитавши письма разных лиц-деятели, я могу записать о трудах Иннокентия в означенных событиях честно, что не согрешит тот из современных деятелей, который засвидетельствует для потомства и истории, что ни одно событие, совершившееся в тех краях, не обошлось без горячего содействия преосвященного Иннокентия живым его словом, сердечным ободрением к делу, его заступничеством за справедливость, что очень важно в стране далекой и пустынной: “до Бога высоко, до царя далеко”. Он, Иннокентий, обсуждал всякое дело прозорливостью ума и практическим соображением делал вывод дела, и ясно разъяснял и пособлял неутомимо, с полной энергиею. Мир памяти его! Он был человек ума и дела”.⁵ Сам Святитель в письме к А.Н.Муравьеву так пишет о присоединении Амура: “Я вполне уверен, что и Вы порадовались тому, что Амур опять наш. Прежде всего, слава и благодарение Господу, так дивно устроившему это дело, даровавшему силы и терпение мирному герою нашему — Николаю Николаевичу — преодолеть все препятствия. Из всего этого ясно можно видеть, что приходит время просвещения истинным светом наших давних соседей, даже более. Кивот Православной Церкви должен соблюстись на земле даже до пришествия Господня. Он донныне находится у нас на Святой Руси. Мы, видимо, становимся недостойными иметь такое сокровище у себя, и вот Господь хочет перенести его туда, где он еще не бывал — в Манджурию, Монголию и Китай...⁶ Теперь остается только, между прочим, желать, чтобы Господь помог Николаю Николаевичу⁷ по возможности устроить этот новый, обширный и благодатный край, а мне устроить мою кафедру и семинарию”.⁸

Но, прежде всего, конечно, неустанный миссионер заботился о распространении на новых землях Святого Православия. “Вы, конечно, узнаете трактаты, заключенные Путятиным и нашим героем,⁹ — писал он Н.Н.Муравьеву, — 8-й пункт в первом есть самый важный и самый благодетельный, то есть, что китайцы не будут преследовать своих подданных за исполнение христианских обязанностей и дозволяют миссионерам нашим проникать внутрь их земли, куда угодно, без всякого препятствия. На основании этого, конечно, католики бросятся во все углы Китая. Было бы грешно и стыдно нам, если бы мы не стали ничего предпринимать касательно сего. Мне бы хотелось как можно скорее и как можно подальше, в Манджурию, послать миссионера нашего, дабы по возможности преградить путь запад-

ным миссионерам в Манджурию. Для этого у меня есть деньжонки и находится даже и человек — иеромонах Пекинской миссии, имеющий выехать оттуда в 1859 году. Мне кажется, по крайней мере, Манджурию можно удержать за нами. Если же пропустим западных миссионеров в Манджурию, то тогда нескоро их выживем оттуда, да, пожалуй, и не выжить, ибо у них средства огромные, а у нас? Рублики, да и в тех давай отчеты и расписки... и непременно каждый месяц".¹⁰

Святитель не упускал случая воспользоваться политическими успехами государства, обращая их на благо Церкви, понимая, что от благополучия Церкви зависит благополучие государства.

Что же сказать о более сокровенной стороне жизни святителя — о его духовном подвиге, которым он, несмотря на всю свою занятость и многопопечительность, никогда не пренебрегал? Приведем лишь один отрывок из его письма дочери, монахине Поликсении, насельнице Борисовской пустыни Курской губернии: "Ты в письме твоем просишь меня научить тебя спастись. Ах, Пашенька! Сам я готов у тебя просить совета — как мне спастись. Давно уже начал учиться, и все еще учу азы; иногда как будто кажется, дойду и до складов: смотришь — опять забыл старое, и опять снова за азы; а когда начну разбирать самое Писание — Бог знает, и дойду ли еще до этого! Но сколько сумею или, лучше сказать, сколько припомню чужих советов и мыслей, касающихся спасения, скажу тебе. Ты говоришь, что нет у тебя смирения и послушания и что ты ленива молиться Богу. Истинное смирение, милая моя, есть дар Божий; следовательно, его нельзя иметь, когда хочется, его надобно достигать, а достигается оно тем, между прочим, чтобы никогда, и нигде, и ни в чем не считать себя выше других — словом сказать, считать себя ниже всех. И потому не смей никого осуждать, ни на кого не сердиться, никогда не считать себя невинною или правую; словом сказать — считать себя землею и пеплом, по которым не возбраняется ходить никому. Имея такое смирение, послушание придет уже само собою. Ты ленива молиться — вспомни, где ты находишься? в Борисовской: следовательно, ты должна, всегда должна бороться с собою и со своею ленью. Не отчаивайся, если иногда и она тебя побороет, — ничего; только не лежи, а вставай; по крайней мере, употребляй все усилия встать — и Господь, видя твое усердное желание встать, поможет тебе. Между тем, не думай и не мечтай, что здесь, на земле, можно дойти до того состояния, чтобы никогда не бороться с собою или с духом

злобы: нет! Здесь, на земле, не рай, не вечный покой, а поприще или школа". Какие мудрые, одухотворенные и, вместе с тем, простые слова! Как заметно перекликаются наставления святителя с поучениями святоотеческими, духом которых и было исполнено сердце преосвященного Иннокентия.

Безусловно, в небольшой статье не раскрыть полностью значения такой личности, как святитель Иннокентий. Но достаточно лишь приблизиться к тому сиянию, которое излучает его бескорыстное и жертвенное житие, отданное целиком на служение ближним, на служение Церкви Христовой, как становится совершенно очевидным, что место этого угодника Божия — среди великих святых земли русской.

Нынешний год — год 200-летия со дня рождения святителя Иннокентия. Вся Русская Церковь будет отмечать эту дату. Дай Бог, чтобы этот юбилей послужил началом возрождения имени святителя Иннокентия в памяти потомков, ибо жизнь Святителя — поучение о том, как жить по правде Божией ради Царствия Небесного, а это — цель христианской жизни.

*Олег Каплун,
2 класс МДС*

Примечания

¹ Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 45.

² Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Спб., 1898. С. 111.

³ Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. М., 1886. С. 417-418.

⁴ Айгунский договор между Россией и Китаем (28 мая 1858 года, г. Айгун) устанавливал границу между двумя государствами по Амуру. Таким образом, России возвращалась территория, отторгнутая Цинским правительством по Нерчинскому договору 1689 года.

⁵ Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский... С. 425-426.

⁶ Слова святителя сбылись в послереволюционные годы: после того, как поток русских эмигрантов хлынул в Китай, там образовались многочисленные православные общины.

⁷ Генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Н. Н. Муравьев (1847-1861).

⁸ Письма Иннокентия... С. 127-128.

⁹ Путятин Е. В. (1804-1883), граф. Дипломат, заключивший 13 июня 1858 года Тяньцзинский трактат, по которому русские купцы получили широкие торговые права в Китае.

¹⁰ Письма Иннокентия... С. 128-129.